

ОСММ

№ 590

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РОССИИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

4(14)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

НОВГОРОД

1993

Этносоциальные процессы конца I — начала II тысячелетия н. э., вопросы феодальной вотчины XII в., проблемы внутренней и внешней политики средневекового Новгорода, вопросы землевладения и права продолжают оставаться основными в четвертом выпуске сборника. Значительное место в его содержании занимают также темы из истории Новгорода XVIII—XIX вв. В свете новых взглядов представлены события из истории 1921—1937 гг. Большое место в сборнике отведено статьям, посвященным изобразительному искусству и архитектуре древнего Новгорода. Материалы из истории художественной культуры даны в сборнике с точки зрения их источниковедческой ценности.

Сборник рассчитан на специалистов историков, искусствоведов, литературоведов и на любителей истории и искусства Новгорода.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Б. В. АНАНЬИЧ, доктор исторических наук А. З. ВАКСЕР, кандидат искусствоведения Э. А. ГОРДИЕНКО (ответственный секретарь), кандидат исторических наук Г. М. КОВАЛЕНКО, кандидат исторических наук В. Ю. ЧЕРНЯЕВ, член-корреспондент АН СССР В. А. ШИШКИН, академик В. А. ЯНИН (ответственный редактор).

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ, доктор исторических наук М. Б. СВЕРДЛОВ, доктор исторических наук А. С. ХОРОШЕВ, доктор исторических наук А. Н. ЦАМУТАЛИ.

В. Я. Конецкий.

НОВГОРОДСКИЕ СОПКИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА I—НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Славянское расселение на Северо-Западе, по времени довольно близкое образованию древнерусского государства, повлекло за собой сложное взаимодействие между местными и пришлыми группами населения. Это переплетение этнических и социальных процессов, происходивших в Приильменье в конце I тысячелетия н. э., создает дополнительные трудности при реконструкции ранней истории новгородской земли.

Малочисленность и краткость письменных источников уже давно сделала необходимым широкое привлечение данных археологии, что нашло свое отражение в ряде обобщающих работ. Однако следует признать, что в свете исследований последних лет ставшие традиционными оценки некоторых категорий древностей требуют критического пересмотра. В полной мере это относится к новгородским сопкам — широко распространенным в Приильменье монументальным погребальным насыпям, связываемым с ильменскими славянами, но не имеющим аналогий в остальном славянском мире. В данной работе мы делаем попытку привлечь внимание исследователей к некоторым источниковедческим и интерпретационным моментам изучения сопок, позволяющим по-иному осветить вопрос о социальной и этнокультурной среде, в которой возникли эти памятники, а следовательно, и об уровне развития общества Приильменья в конце I тысячелетия н. э.¹

¹ Краткое изложение ряда положений данной работы см.: Конецкий В. Я.:

- 1) Некоторые проблемы общества и культуры населения Приильменья накануне образования древнерусского государства // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тез. докл. науч. конф. Новгород, 1987. С. 70—75;
- 2) Новгородские сопки: сущность и место в древнерусской погребальной традиции // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в XI—XIII вв.» : Тез. докл. Чернигов, 1988. С. 75—78.

«Вопрос о сопках принадлежит к числу наиболее темных русской археологии», — данное высказывание М. И. Артамонова² неоднократно приводилось за последние десятилетия в работах, посвященных сопкам. И это действительно так. Хотя история изучения сопок насчитывает уже более полутора веков, а первые обобщения появились девяносто лет назад,³ эти мятники остаются во многом загадочными. Причина кроется прежде всего в состоянии источниковой базы. До сих пор основной по количеству фонд сведений о сопках составляют материалы дореволюционного периода, когда раскопками, предпринимавшимися главным образом любителями, было затронуто более 60 насыпей. В подавляющем большинстве от них не осталось ничего, кроме кратких упоминаний. Впрочем, для раскопок, проводившихся лицами, знакомыми с тогдашней методикой, также характерна неполнота документации, что снижает ценность этих материалов при сопоставлении с современными данными. За пять послереволюционных десятилетий вплоть до начала 70-х гг. было раскопано лишь восемь сопочных насыпей, причем большую часть составляли раскопки полуразрушенных памятников в районе Старой Ладogi.⁴

Естественно, данная фактологическая база не могла служить основой для однозначных и общепринятых выводов. С самого начала научного изучения сопок в историографии преобладали два направления: их интерпретация как славянских или скандинавских.⁵ Обе точки зрения опирались на одни те же факты, которые в зависимости от общесторической концепции истолковывались по-разному. С середины 30-х гг.

² Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории / Под ред. В. Г. Ревуненкова, 1967. С. 66.

³ Спицын А. А. Сопки и жальники // ЗРАО. СПб., 1899. Т. 11, вып. 2. С. 142—155.

⁴ Седов В. В. Новгородские сопки // САИ ЕИ-8. М., 1970. С. 5; Носов Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. 1974. Вып. 6. С. 127.

⁵ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладогья // МАР. СПб., 1895. т. 18. С. 97—141; Репников Н. И. Старая Ладoga // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1915. Вып. 7. С. 25; Спицын А. А.: Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. Т. 6, 1899. Вып. 8. С. 30; 2) Сопки и жальники... С. 149—151; 3) Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, св. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 3—4; Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. С. 31—33; Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена // МИА. М., 1941. Вып. 6. С. 37—39; Фурьягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. // Там же. С. 93—95; Rawdonis W. I. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. S. 35—36.

высказывания о связи сопок со скандинавами, которые могли явиться основанием для обвинения в норманизме, в советской историографии исчезли. Отсутствие дискуссии долгое время создавало иллюзию, что данный вопрос решен окончательно.⁶

Лишь с конца 60-х гг. вновь стали высказываться мнения о неславянской принадлежности сопок.⁷ Как и ранее, предполагалось возможным соотнести хотя бы часть этих памятников со скандинавами,⁸ возникла точка зрения о финно-угорской (чудской)⁹ принадлежности сопок и как своеобразный компромисс — о связи их со славяно-финским населением.¹⁰ Однако ни одно из этих мнений не могло быть достаточно обосновано и поэтому широкого распространения не получило.

Ситуация в изучении сопок стала меняться со второй половины 70-х гг. Начиная с этого периода—в разных частях новгородской земли было раскопано около двух десятков сопок и сопкообразных насыпей.¹¹ Эти работы, проводившиеся на современном методическом уровне, впервые позволили выявить целый ряд элементов, характеризующих сопочный погребальный обряд.

Однако главной предпосылкой нового подхода к решению проблемы сопок явилось формирование на рубеже 70—80-х гг. понятия культуры сопок как особой археологической культуры славянского населения Приильменя конца I тысячелетия н. э. Раскрытие конкретных характеристик этого понятия стало возможным благодаря выявлению многих десятков поселений и проведению на некоторых из них достаточно широкомасштабных раскопок.¹²

⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 228—287; Седов В. В. Новгородские сопки. С. 31.

⁷ Яляушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. М., 1968. Вып. 152. С. 118

⁸ Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь / Под ред. Е. И. Крупнова. М., 1968. С. 191—193.

⁹ Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада СССР / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1977. С. 90—92; Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жалньники // Проблемы археологии / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1977. С. 152—162.

¹⁰ Седов В. В. Славянские племена юго-восточного региона Балтийского моря // *Berichte über den II Intern. Kongr. für Slawische Archäologie*. Berlin, 1970. Bd I. S. 16—20.

¹¹ Раскопки сопок производили: В. П. Петренко, Г. С. Лебедев, Е. Н. Носов, В. Я. Конечский, В. В. Мильков, А. Н. Башенькин, Н. И. Платонова, С. Л. Кузьмин, О. И. Богуславский, Л. А. Царькова, С. В. Белецкий, Б. Н. Харлашов.

¹² Носов Е. Н. Население Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 38—66.

Важным достижением в изучении культуры сопок следует считать и реконструкцию хозяйственно-культурного типа, свойственного данному населению. Анализ типа хозяйства позволил понять многие закономерности в развитии славянского шествия в Приильменье на рубеже тысячелетий — формирующие системы сельского расселения, механизм возникновения и направления миграций, — а главное, сделать выводы об уровне развития производительных сил у носителей культуры пок.¹³

Таким образом, в настоящее время появилась возможность рассматривать сопки не абстрактно, вне археологического окружения, а как элемент конкретной археологической культуры, причем, как будет показано далее, элемент важный, но не определяющий. И естественно, от общих оценок этой культуры прямо и непосредственно зависит решение проблемы самих сопок как своеобразных погребальных памятников.

Непременным условием, предваряющим рассмотрение сопочного обряда, является оценка чистоты культуры сопок в конкретных микрорегионах. Дело в том, что в Приильменье данная культура сосуществует и взаимодействует с отличающейся от нее по многим показателям культурой длинных курганов. На определенном этапе этого процесса на могильниках культуры длинных курганов и отдельными группами в тех же микрорегионах появляются сопкообразные насыпи, типологически связанные с погребальными памятниками обеих культур. В археологической литературе они учитываются как сопки. Однако здесь следует иметь в виду, что хотя подобные насыпи, определяемые нами как «памятники смешанного типа», появляются под влиянием сопок, но представляют собой результат трансформации сопочной традиции в иной этнокультурной среде¹⁴ и поэтому из первичного анализа, направленного на выделение исходного комплекса признаков сопочного обряда, должны быть исключены.

¹³ Конечкий В. Я. 1) Население центральных районов Новгородской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 12—13; 2) Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // ИИС. Л., 1989. Вып. 3(13); Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоандрографы и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Под ред. В. М. Массона. Л., 1985. С. 20—21; Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под ред. И. В. Дубова, Л., 1988. С. 21—38.

¹⁴ Конечкий В. Я. Население... С. 12.

Вышесказанное заставляет вообще критически относиться к высоким насыпям, расположенным по периферии ареала сопкок, поскольку в таких памятниках под влиянием инокультурных групп не исключено появление элементов, в целом не свойственных сопкам. Во всяком случае, подобная картина наблюдается на северо-восточной границе, где имеет место контаминация сопкок с курганами приладожской чуди.¹⁵

Характерной особенностью сопкок является их сложное внутреннее устройство, особенно заметное на фоне хронологически сопоставимых типов погребальных памятников на Северо-Западе. Предпринимавшиеся попытки детального описания всех признаков сопкок и разделения их на этой основе на территориальные, хронологические или иные пока не дали ощутимых результатов.¹⁶ Представляется, что на нынешнем уровне изучения этих памятников более целесообразным будет общий, суммарный подход к сопкам на всей территории данной культуры.¹⁷

При выявлении набора «обязательных» признаков, характеризующих сопки, принципиально важным является определение критериев этого отбора. Мы считаем, что в данном случае представляют интерес лишь структурно и семантически значимые элементы и особенности конструкции, а не случайные признаки. обусловленные, скажем, естественно-природными условиями (составом грунта, наличием или отсутствием камня и т. п.). Однако природный фактор не мог не накладывать отпечаток на конкретное выражение тех или иных элементов конструкции. В этой связи встает вопрос о возможных вариациях, при которых символическое значение конкретных признаков оставалось неизменным, или, говоря шире, о возможностях воплощения какой-либо идеи разными способами. Здесь мы исходим из факта, что в традиционных культурах любой объект, созданный человеком, обладает утилитарными и символическими свойствами — «вещностью и знаковостью».¹⁸

¹⁵ Колмогоров А. Тихвинские курганы // Тр. 15 Археол. съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. 1. С. 415—418.

¹⁶ Пономарев В. С. Новгородские сопки // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, 1938, № 155; Седов В. В. Кривичи и словене: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 6—7; Петренко В. П. Классификация сопкок Северного Поволжья // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Под ред. В. В. Седова. Л., 1985. С. 136—137.

¹⁷ Справедлива, на наш взгляд, оценка типов сопкок, выделенных В. П. Петренко, данная в работе: Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера / Под ред. К. В. Чистова. Л., 1988. С. 46.

¹⁸ Байбуриин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 8—9.

Попытки раскрытия смысла сопочного обряда должны вестись именно с этих позиций. Единство и взаимодействие утилитарных и символических начал можно проиллюстрировать на целом ряде конструктивных элементов сопок.

Возьмем для примера каменные обкладки вокруг оснований сопок, в которых исследователи видят один из важнейших признаков сопок и указывают на их ритуальный смысл.¹⁹ Несомненно, их семантика связана с обозначением границы, отделяющей сакральную зону от остального пространства. Поскольку обкладки присутствуют далеко не во всех случаях, не могла ли та же идея быть выражена иным способом, особенно если в конкретных микрорегионах мало камня? Думается, что да. Так, В. П. Петренко, исследуя насыпи, сложенные из разнородного грунта в окрестностях Ладоги, проследил вокруг оснований погребальных площадок кольцевые валики, насыпанные из суглинка.²⁰ Но ведь подобные валики должны неизбежно образовываться в любом случае при первичной выборке грунта из рва, намечавшего и окружавшего будущее основание сопки. Однако, если насыпь сложена из однородного грунта, а тем более из песка, то фиксация таких валиков будет либо предельно затруднена, либо вовсе невозможна. Представляется, что именно эти причины объясняют отсутствие каменного венца у сопки при д. Заручевье в бассейне Мсты, аналогичной по остальным показателям «классическим» ладожским или ловатским сопкам. При этом малое количество камня в округе сказалось и в характере каменных кладок в самой насыпи, состоящих из немногочисленных мелких валунов.²¹ Таким образом, весьма вероятно, что каменные обкладки вокруг оснований сопок являются лишь частным случаем сооружений, выражающих общую идею границы. Этот вывод подтверждается и фактом различного оформления границ площадок славянских языческих святилищ.²²

То же единство технологии и символики иллюстрируется и ярусностью сопочных насыпей. Возведение сопок ввиду колоссальных трудовых затрат происходило, как можно судить

¹⁹ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 12.

²⁰ Петренко В. П. Классификация сопок... С. 138—139.

²¹ Конецкий В. Я. Раскопки сопок у д. Заручевье в бассейне р. Мсты // Археология и история Пскова и Псковской области : Тез. докл. Псков, 1987. С. 55.

²² Седов В. В. Первый международный симпозиум по славянскому язычеству // КСИА, 1981. Вып. 164. С. 122—125; Конецкий В. Я. О «каменных кругах» юго-западного Приильменя // Новое в археологии Северо-Запада СССР. С. 43.

по материалам раскопок обычно в три приема.²³ По завершении каждого из этапов образующаяся насыпь для предохранения от оплывания и размыва обкладывалась дерном, который фиксируется при раскопках в виде гумусных прослоек. Вместе с тем на каждом из ярусов обнаруживаются следы различных ритуальных действий: вымостки из камней, скопления золы и угля, кости животных.

Особенный интерес для рассматриваемой темы представляют зафиксированные в последние годы остатки вертикальных столбов, устанавливавшихся в центре оснований сопок и пронизывающих насыпи. Забутованная камнем яма от столба впервые была открыта в сопке у д. Заручевье. В 1987 г. подобное сооружение найдено в сопке у д. Городище на р. Сясь. Непосредственные остатки столба отмечены В. П. Петренко в суглинстом грунте одной из ладожских сопок.²⁴

Нет никакого сомнения, что подобные столбы имеют широчайшее распространение независимо от фактов прямой фиксации. Их присутствие убедительно доказывается косвенными аргументами: являясь вертикальными осями сопок, они были необходимы для контроля за правильностью формы насыпи при подсыпках (по принципу «стога»), а главное, для привязки к оси насыпи конструкций и погребений, расположенных в разных ярусах.

Регулярность расположения различных объектов в сопках является доказательством широкого распространения этой детали в сопочном обряде. Кучи камней, нередко фиксировавшиеся в центре оснований сопок,²⁵ можно интерпретировать в связи с креплением таких столбов. Являясь необходимым конструктивным элементом сопок, рассмотренные столбы обладали и важным символическим смыслом, воплощая идею «мирового древа», на чем подробнее остановимся ниже.

Итак, в наиболее общем виде признаками, определяющими сопки, кроме значительной высоты следует считать наличие каменных венцов или иных форм ограждений, ограничивающих основание насыпей, ярусность насыпей, каменные конструкции внутри них, кости животных и птиц, и, наконец, столбы, являющиеся вертикальными осями сопок.

²³ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 13—14, табл. II.

²⁴ Конецкий В. Я. Раскопки сопок у д. Заручевье... С. 55; Петренко В. П. Классификация сопок... С. 141, рис. 6; Богуславский О. И. Древнейший погребальный памятник юго-восточного Приладожья // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч.-практической конф. Новгород, 1989. С. 31.

²⁵ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 15—16, табл. XII.

Особый характер сопок, не совпадающий с их общепринятой трактовкой, пожалуй, ярче всего проявляется при анализе гребальных функций этих памятников, т. е. при оценке их к вместилищ останков погребенных. В современной литературе общим местом является признание сопок памятниками, являющимися с родовыми традициями, т. е. коллективными усыльницами, в которых похоронены все члены соответствующих общин. При таком подходе гигантские размеры и ярусность насыпей объясняются необходимостью подсыпок при размещении все новых и новых захоронений. В связи с этим имеются указания на десятки погребений, якобы содержащихся в сопках.²⁶ Однако обращение к конкретному материалу дает совершенно иную картину. По сводке В. В. Седова, из 35 этенных насыпей 74% содержат одно захоронение, а 22% — ва-четыре.²⁷ Попытки объяснений подобных фактов тем, что ольшинство погребений до нашего времени не сохранилось, не могут быть восприняты всерьез, поскольку если встать на позицию сторонников традиционной точки зрения, то следует признать, что при любых повреждениях верхних частей насыпей, начительное количество погребений, содержащихся в нижнем и среднем ярусах, все равно должно было бы сохраниться. Малочисленность погребений далеко не во всех случаях можно списать на несовершенство методики раскопок, поскольку и при современных исследованиях получают сходные данные.

Кроме того, нельзя исключать возможность, что в отдельных случаях исследователи могли принимать разрозненные части одного захоронения за отдельные погребения. На данное обстоятельство обратила внимание Н. В. Тухтина.²⁸ Похоже, что подобная ситуация имела место в сопке у д. Заручевье, где четыре погребения, незначительные по размерам, располагались на одном уровне в небольшом удалении друг от друга. Обычное отсутствие специальных антропологических анализов кальцинированных костей из сопочных погребений не позволяет учесть данный фактор. В сопках порой также присутствуют скопления кальцинированных костей животных, из которых неспециалистами могут быть определены лишь останки крупных видов (например, лошадей). Все это заставляет при оценке количества погребенных вводить поправки скорее в сторону его уменьшения.

Факт неожиданно малой численности погребений в сопках не нов для специалистов, непосредственно занимавшихся изу-

²⁶ Седов В. В. Восточные славяне ... С. 63.

²⁷ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 21—22.

²⁸ Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности... С. 190.

чением этих памятников. Так, Н. Н. Чернягин, автор первой крупной сводки рассматриваемых древностей, писал: «В сопках по их размерам и сравнительно малой численности было бы естественно ожидать многих погребений, но в действительности их количество в большинстве случаев ограничено... Несомненно, что размеры этих насыпей не объясняются количеством содержащихся в них захоронений».²⁹

Таким образом, проблема несоответствия колоссальных трудовых затрат, которых требовало возведение сопки, и несомненно малого количества захоронений в них — налицо. Для сторонников традиционной точки зрения ситуация окажется еще более парадоксальной, если учесть открытие грунтовых захоронений по обряду трупосожжения синхронных погребениям в сопках, но расположенных вне насыпей. Такие погребения были исследованы у основания ряда сопки в окрестностях Старой Ладogi. Небольшое скопление костей было найдено во рву разрушенной сопки у пос. Деревяницы под Новгородом. Близкое по форме некоторым старолadoжским, погребение, обложенное камнями и примыкавшее к внешней стороне обкладки, зафиксировано при сопке у д. Воймерицы на Мсте.³⁰

Подобные факты несколько снижают остроту проблемы в демографическом плане. Во всяком случае, они указывают одно из направлений поиска массовых погребальных памятников носителей данной культуры. Но эти же факты усиливают социальный аспект вопроса. Ведь если часть погребений располагается вне сопки, это является еще одним аргументом против интерпретации данных памятников как усыпальниц всего населения. Логично предположить, что пространственное противопоставление захоронений в сопках погребениям, расположенным у их подножия, отражает социальную дифференциацию общества, в среде которого существовал обычай возведения этих насыпей. Иными словами, следует признать, что в сопках погребены представители социальной верхушки. Здесь в конечном счете даже не важно решение вопроса о размещении захоронений основной массы населения, но то, что оно погребено не в сопках, оспорить невозможно.

Кажущаяся бедность сопочных погребений не является аргументом против их связи с социальной верхушкой. Как совер-

²⁹ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки... С. 96.

³⁰ Петренко В. П. Классификация сопки... С. 137; Концевий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в генеральных районах Новгородской земли // Археологические исследования новгородской земли / Под ред. Г. С. Лебедева. Л., 1984. С. 166; Куза А. В. Раскопки курганов на Новгородчине // АО. 1965. М., 1966. С. 156—157.

енно справедливо отметил В. Я. Петрухин, бедность славянских погребений — черта этническая и ни в коей мере не характеризует социальный статус умершего. Важными признаками здесь являются размеры насыпей и количество жертвоприношений. Особенный интерес представляют находки останков оней, собак и птиц. Данная иерархия жертв характеризует первую очередь ритуал социальных верхов.³¹ Если обратиться к материалам сопок, то выясняется, что в них указанный жертвенный комплекс фиксировался неоднократно.³² При этом важно подчеркнуть, что сопки, в которых встречались подобные находки, были связаны не обязательно с крупными центрами, но располагались и в обычных сельских районах.

Здесь представляется необходимым вновь вернуться к семантике сопочного обряда. Совокупность элементов, характеризующих данные памятники, дает картину модели мироздания. Указанная соотносимость вообще характерна для погребальных памятников первобытности,³³ но нельзя не признать, что в сопках эта идея получила на редкость яркое выражение.

Так, ярусность сопок может быть сопоставлена с ярусностью вселенной в представлениях древних.³⁴ Что же касается семантики центральных столбов в сопках, то, вне всякого сомнения, она связана с понятием «мирового древа», пронизывающего все ярусы мира — основополагающего представления древних мифологий.³⁵ Аналогичное выражение данной мифологемы представлено в некоторых индоевропейских традициях,³⁶ но главное, известно и на древнерусской территории.³⁷

Столь насыщенная смысловая нагрузка сопочного обряда безусловно не случайна и связана с сакрализацией погребенных в сопках представителей социальной верхушки, что опять-

³¹ Петрухин В. Я. Заметки о погребальной обрядности языческих славян в свете германских и балтийских параллелей // Археология Пскова и псковской земли: Тез. докл. науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988, С. 39.

³² Седов В. В. Новгородские сопки. С. 21.

³³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 233—234; Петрухин В. Я. О картине мира у язычников-скандинавов: (по «памятным камням» V—XI вв.) // СЛ. 1973. Вып. 18. С. 156; Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 4.

³⁴ Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 161—163; Евсюков В. В. Мифы о мироздании. М., 1986. С. 6—22.

³⁵ Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1988. С. 393; Евсюков В. В. Мифы о мироздании. С. 23—42.

³⁶ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. С. 97—99.

³⁷ Ковалевский А. П. Книга Ахмета ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 146; Каменецкая Е. В. Раскопки в Гнездове // АО. 1980. М., 1981. С. 54.

таки является универсальной чертой древних обществ.³⁸ Таким образом, на современном уровне изучения сопок совокупность имеющихся данных позволяет с наибольшей вероятностью охарактеризовать эти памятники как культово-погребальные объекты, в которых похоронены представители высшего слоя славянского общества конца I тысячелетия н. э.

Предлагаемая характеристика сопок крайне важна при выявлении истоков сопочного обряда. В ходе изучения этих памятников вопрос об их происхождении нередко связывался с этнической атрибуцией, что и обусловило остроту дискуссии. Сторонники славянской принадлежности сопок искали их прототипы, исходя из представлений о путях славянской колонизации Северо-Запада. Исследователи, считавшие, что славяне пришли в Приильменье со Среднего Поднепрорья, пытались выделить такие памятники в более южных районах. Данная точка зрения изложена П. Н. Третьяковым, который генетически возводил сопки к высоким курганам мощинской культуры в бассейне верховьев Оки.³⁹ Однако существенный хронологический разрыв, отсутствие заметного типологического сходства (кроме высоты) и общие историко-культурные соображения не позволяют считать это построение достаточно обоснованным. В настоящее время указанная точка зрения практически не имеет сторонников.

В. В. Седов, придерживаясь концепции прихода славян с запада, считает, что ряд элементов сопочной обрядности (обычай возведения высоких насыпей, каменные обкладки, захоронения коней) был заимствован славянами у балтских племен во время миграции через территорию последних. Другие же признаки, как например, каменные вымостки и кучи, зольные прослойки в основаниях, наличие костей животных в насыпях, связываются с воздействием западно-финского погребального ритуала.⁴⁰ Данная гипотеза весьма уязвима для критики. В отношении балтских элементов заметим, что в ареале сопок балтская гидронимия минимальна,⁴¹ хотя, если следовать Седову, заимствование обрядности вряд ли было возможным без частичного вовлечения в миграционный поток и балтского населения. Что же касается финно-угорских черт, то о них в на-

³⁸ Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С. 106.

³⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 284—285; Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников новгородской земли: (К вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 64.

⁴⁰ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 12—23.

⁴¹ Там же. С. 33.

тоящий момент можно судить более определенно. «Каменные руги», которые исследователь считает памятниками финно-угорского населения и указывает на связь между ними и сопками, получили в последнее время иную трактовку. Это же относится и к «вымошкам типа Извары», скорее всего не являющимися археологическими памятниками.⁴² Более того, для культуры длинных курганов, которая появилась в Приильменье на несколько веков раньше, чем сопки, и которая, если не является финно-угорской, то, во всяком случае, несет в себе данный субстрат в гораздо большей степени, чем культура сопок, использование камня в погребальных сооружениях абсолютно не характерно.⁴³ Таким образом, объяснение формирования сопочного обряда в результате соединения различных элементов, происходящих из финно-угорской и балтской традиций, не может быть признано обоснованным.

«Скандинавская гипотеза» происхождения сопок, которую среди русских и советских ученых поддерживали А. А. Спицын, В. И. Равдоникас, Н. В. Тухтина, а в последнее время активно разрабатывает Д. А. Мачинский,⁴⁴ основывается на определенной близости сопок и больших курганов Скандинавии, датируемых VI—VII вв. В качестве общих признаков кроме размеров при этом называют ярусность насыпей, каменные конструкции, наличие костей животных и т. д. Считается, что в эпоху викингов обычай сооружения подобных насыпей был занесен на Северо-Запад, где и получил распространение. В свете исследований последних лет данная гипотеза заслуживает самого пристального внимания. Однако, прежде чем перейти к анализу славяно-скандинавских взаимоотношений на Северо-Западе в конце I тысячелетия н. э., необходимо рассмотреть самый начальный этап славянской колонизации данного региона.

Речь идет о периоде довозникновения сопочного обряда, который, как явствует из вышеизложенного, сложился именно

⁴² Конечный В. Я. О «каменных кругах»... С. 43; Кольчатов В. А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 62; Хвоцинская Н. В. К вопросу о древних захоронениях воды // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 43—48.

⁴³ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. 1981. Вып. 1. С. 51—53.

⁴⁴ Мачинский Д. А.: 1) Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси : (Период зарождения древнерусской народности) // Русский Север : Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Под ред. Т. А. Бернштам. Л., 1986. С. 3—29; 2) О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология : Тез. науч.-практической конф. Новгород, 1988. С. 48.

здесь, во всяком случае в своем окончательном виде. Суть этой ситуации четко сформулировал Д. А. Мачинский. «Трудно предположить, — пишет он, — что переселенцы сразу стали хоронить умерших в грандиозных сопках, чуждых славянской погребальной традиции других территорий. Погребения славян VIII—середины IX в. надо попытаться отыскать...».⁴⁵

В настоящее время большинством исследователей беспорное появление славян в Приильменье определяется не ранее VIII в. Причем здесь наблюдается совпадение выводов, полученных как при анализе письменных источников, так и по данным археологии.⁴⁶ В давнем споре относительно путей расселения славян в Приильменье из Подунавья или южнобалтийских регионов за последние годы появились новые аргументы в пользу существования особых этнических связей повгородцев с населением южнобалтийского побережья. Большое значение при этом имеют выводы языковедов, противопоставляющих в диалектном отношении ильменских словен остальным восточным славянам.⁴⁷

Реконструкция исходных черт культуры, принесенной на Северо-Запад славянами, теснейшим образом связана с определением мест их обитания в данный период. Такие районы, безусловно, должны наилучшим образом удовлетворять требованиям основной хозяйственной деятельности славян — ранним формам пашенного земледелия. Д. А. Мачинский в цитированной статье⁴⁸ вслед за А. М. Микляевым пытается отождествить зону ранних славян на Северо-Западе с районами, маркированными топонимами, оканчивающимися на **-гост/-гощ**. Однако в настоящее время отсутствуют какие-либо археологические и палеографические доказательства обитаемости в раннеславянский период этих мест,⁴⁹ которые сам автор данной гипотезы категорически противопоставляет территории культур-

⁴⁵ Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы... С. 23.

⁴⁶ Минаян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 23—29; Лебедев Г. С. О времени появления славян на Северо-Западе // Там же. С. 29—39; Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Там же. С. 7—22.

⁴⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте : (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 226—227, 229; см. также: Седов В. В. Восточные славяне... С. 66.

⁴⁸ Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы... С. 22—23.

⁴⁹ Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты... С. 22.

лх сопок.⁵⁰ Вместе с тем нельзя опровергнуть факт, что местности, в которых известны сопки, — речные и озерные долины — являются в рассматриваемом регионе наиболее удобными для первоначального пашенного освоения. Таким образом, являющиеся древности «досопочного» периода следует искать в местах, на которых впоследствии фиксируются памятники культуры сопков.

Особенный интерес в этом отношении представляют непосредственно примыкающие к Новгороду Ильменское Поозерье Верхнее Поволховье, расцениваемые как «коренная территория ильменских словен». Поозерье занимает пространство между р. Веряжей и оз. Ильмень, вытянутое приблизительно на 0 км и имеющее ширину 4—5 км. Этот район среди территорий, расположенных вокруг Ильменя, наиболее удобен для первоначального земледельческого освоения. И именно к нему относятся слова летописца о том, что «словене же седоша около озера Ильменя и прозвашася своим именем».⁵¹ Как показал О. А. Кизилов, на всем Северо-Западе нет другой территории, где в средневековье была бы возможна подобная концентрация земледельческого населения.⁵²

В результате многолетних работ экспедиции под руководством Е. Н. Носова в Поозерье и Северном Поволховье открыто 28 поселений, на которых зафиксирована лепная керамика конца I тысячелетия н. э. На фоне этого бросается в глаза малое количество известных здесь сопков. Данный факт неоднократно интерпретировался в пользу неславянской принадлежности этих памятников. Сейчас, после сплошного обследования этой территории, ситуация несколько смягчилась — говорить об отсутствии сопков под Новгородом уже невозможно. Тем не менее для Поозерья на 15 пунктов с селищами конца I тысячелетия н. э. приходится лишь 6 пунктов с сопками.⁵³ Ссылки на разрушение здесь сопков еще в древности в результате интенсивной хозяйственной деятельности не убедительны, поскольку многие районы концентрации этих памятников (долина Ловати, юго-западное Приильменье и др.) также являются зонами сельскохозяйственной освоенности, восходящей

⁵⁰ Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом -гост/-гощ на Северо-Западе СССР : К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 45.

⁵¹ Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы... С. 35.

⁵² Кизилов Ю. А. Географический фактор в истории Древней Руси // ВИ. 1973. № 3. С. 56—59.

⁵³ Носов Е. Н. Новгород и Рюриково городище в IX—XI вв.: (К вопросу о происхождении Новгорода) // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии / Под ред. В. В. Седова. Т. 1. Вып. 26. М., 1987. С. 6.

к эпохе средневековья. На самом деле мы сталкиваемся в Поозерье с проблемой изначальных погребальных памятников славян на территории Северо-Запада, той, которую поставил Д. А. Мачинский. Однако выявление этих древностей крайне затруднено.

Архаическая славянская погребальная обрядность характеризуется предельной простотой и маловыразительностью. Обычные формы захоронений — это помещенные в грунтовые ямки мало- или безынвентарные трупосожжения на стороне. Представляющая же для нас особый интерес территория бассейнов низовий Вислы, Одера и Эльбы характеризуется еще более трудноуловимым обрядом трупосожжения с разбрасыванием остатков прогоревшего костра, включающего кальцинированные кости по дневной поверхности.⁵⁴

Говоря о сложности поиска раннеславянских погребальных памятников, необходимо добавить, что на ранних этапах славянской истории весьма вероятно существование форм погребального обряда, вообще не уловимых археологически. Речь идет о водных захоронениях. На распространение этого обычая в древности единодушно указывают этнографы, основываясь на многочисленных пережитках в архаических ритуалах.⁵⁵ Недавно некоторые сведения по данной теме были обобщены А. А. Александровым.⁵⁶

Все вышесказанное относится, очевидно, и к массовым захоронениям эпохи сопок, которые, как уже отмечалось, выявляются с большим трудом. Зона распространения сопок характеризуется специфическим погребальным обрядом и в древнерусский период (XI—XIII вв.), когда здесь в отличие от смежных территорий доминируют бескурганые грунтовые могильники и жальники, нередко располагающиеся при сопках. Безусловно, эта специфика — наследие предшествующей эпохи. Таким образом, отрывочные данные о формах погребальных памятников в разные периоды как бы выстраиваются в одну линию, подтверждая тем самым правильность наших реконструкций.

⁵⁴ Седов В. В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под ред. И. В. Дубова, Л., 1988. С. 12.

⁵⁵ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 49, 55, 85; Иванов В. В., Топоров В. Н. К семантическому анализу мифа и ритуала : (На белорусском материале) // Язык, знак, культура. Paris, 1970, С. 323.

⁵⁶ Александров А. А. Неуловимый погребальный обряд // Археология и история Пскова и Псковской земли : Тез. докл. науч.-практической конф. Псков, 1988. С. 129—131.

Итак, обнаружение досопочного времени в Поозерье — задача крайне сложная и требует планомерных массовых раскопок. Пока в этом районе проводились исследования лишь на трех поселениях (Прость, Васильевское, Георгий). Эти памятники были многослойными и наряду со слоями конца I тысячелетия н. э. имели напластования эпохи средневековья, что затрудняет вычленение комплексов раннеславянского периода. Однако эти работы все же дали материалы, позволяющие судить о культурных связях населения Приильменья, и прежде всего с западными славянами. Среди категорий находок в первую очередь следует назвать лепную керамику, принадлежащую к так называемому ладожскому типу, составляющему основную компонент лепной посуды культуры сопки. Она имеет определенное сходство с керамикой западных славян балтийского региона, на что уже давно указывали исследователи.⁵⁷ В этом отношении также представляют интерес ножи с волутообразным навершием. Они найдены на поселениях Георгий и Васильевское. Подобные ножи, имевшие, очевидно, ритуальное назначение, известны в коренных славянских землях, но, главным образом, на территории Польши.⁵⁸ То же относится ко втульчатым двушипным наконечникам стрел. Они встречены в большом количестве (более 30 экземпляров) на Рюриковом городище, бывшем в IX в. центром поселений Поозерья и Поволховья, а также на селище Васильевском. Аналогичные наконечники считаются показательным элементом славянской культуры и, в первую очередь, западнославянской.

Привлекают внимание открытые на Рюриковом городище наружные хлебные печи, наиболее точные аналогии которых известны в памятниках польского Поморья (Гданьск, Щецин). Как указывает Е. Н. Носов, такие печи можно рассматривать как «еще одно прямое археологическое свидетельство культурных связей поморских славян с населением Поволховья».⁵⁹

Определенные западнославянские археолого-этнографические параллели имеет городище Серговский городок. Оно расположено на острове среди р. Веряжи, как бы защищая со стороны озера вход в густонаселенную зону. Городище укреплено подковообразным валом высотой 2 м, отсутствующим со стороны реки. Размеры площадки внутри вала 70×30 м. Культурный слой выражен слабо. Это городище по топографии и устройству укреплений не имеет аналогий в Приильменье, од-

⁵⁷ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 24—26.

⁵⁸ Минасян Р. С. Железные ножи с волутообразным навершием // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 148—152.

⁵⁹ Носов Е. Н. Новгород и Рюриково городище... С. 9.

нако, на западнославянских территориях известно огромное количество подобных памятников, расположенных в низких местах и защищенных кольцевыми валами.⁶⁰ Окончательный ответ здесь могла бы дать прорезка вала Серговского городка и изучение внутривальных деревянных конструкций.

Закрепившись в Поозерье и Северном Поволховье, славяне начинают освоение Ильменского бассейна, что явилось важнейшей предпосылкой для возникновения здесь в дальнейшем одного из очагов древнерусской государственности. Другим важным фактором, повлиявшим на ход социальных и культурных процессов на Северо-Западе, было появление здесь почти одновременно со славянами выходцев из Скандинавии. В Ладоге их бесспорное присутствие фиксируется для середины VIII в.

В данной работе нас интересуют прежде всего свидетельства о глубинных контактах, значимых для населения культуры сопок в целом, а не аспекты, обусловленные функционированием торговых путей и становлением раннегородских центров (ремесло, торговля, дружинная среда и т. д.).

В этой связи особенно важен вопрос о сложении пашенного земледелия. По материалам многочисленных исследований выяснено, что в Приильменье в конце I тысячелетия н. э. формируется очаг пашенного земледелия, развитие которого шло особым путем, отличным от южнорусского. Он характеризуется особым типом железных наконечников пахотных орудий, не свойственным Среднему Поднепровью.⁶¹ Выявление истоков пашенного земледелия на Северо-Западе тесно связано с уже упоминавшейся проблемой поиска путей прихода сюда славян. Рассмотрение процесса появления орудий обработки земли под углом западнославянских этнических связей населения Приильменья дает неожиданную картину. Как указывает Й. Херманн, у балтийских славян использовались пахотные орудия без железных наконечников. В Скандинавии же наконечники этого типа появляются еще в вендельском периоде.⁶²

Таким образом, нельзя не признать, что Скандинавия является наиболее близкой территорией, откуда может происходить данный элемент культуры. Исторически это правдоподоб-

⁶⁰Hermann J. *Slawische Stamme zwischen Erbe und Oder*. Berlin, 1968. S. 147—148, 166, 168 и. а.

⁶¹Краснов Ю. А. Ранняя история сохи // СА. 1968. Вып. 1. С. 106—109; Миролюбов М. А. Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладоги // АСГЭ. Л., 1976. Вып. 17. С. 123.

⁶²Hermann J. *Wikinger und Slawen*. Berlin, 1982. S. 19, 23.

). Район Старой Ладogi, где скандинавы появились, как уже упоминалось, в середине VIII в. и откуда происходят древнейшие на Северо-Западе наральники, обладает тяжелыми почвами, обработка которых без железных наконечников безусловно затруднена.

Влияние северного ремесла проявилось и в другой массовой категории орудий труда. Так, скандинавское происхождение имеет технология изготовления трехслойных ножей (IV тип, по Р. С. Минасяну), характерных для культуры сопок. В дальнейшем этот тип стал господствующим в Новгородской земле.⁶³

Рассматривая важные элементы культуры, которые были заимствованы славянами у скандинавов, отнюдь не следует читать, что процесс культурного влияния был односторонним. (Против, тот же И. Херманн указывает, что скандинавы переняли от славян использование лошади в качестве тягловой силы для пашенного земледелия.⁶⁴ Все это свидетельствует о существовании контактной зоны, где могло происходить подобное взаимовлияние, и располагалась эта зона, безусловно, на территории ильменских словен. Определить конкретные масштабы славяно-скандинавского взаимопроникновения сложно ввиду немногочисленности соответствующих свидетельств и трудности их выявления. При этом надо полагать, что выходы с севера быстро теряли в славянской среде свою этническую специфику. Показательно, что в могильнике Плакун в Старой Ладoge — единственном и бесспорно чисто скандинавском могильнике на территории Руси, лепная керамика тождественна керамике культуры сопок.⁶⁵ Присутствие скандинавов возможно и на рядовых поселениях Приильменья. Так, в 1987 г. при раскопках селища у д. Васильевское в Поозерье был найден обломок скандинавской железной гривны. Считается, что подобные предметы не являлись объектом торговли и могли быть утрачены лишь скандинавами.

Об оседании выходцев с севера в Приильменье говорят и антропологические данные. Отмечена близость ильменцев с жителями Северной Европы, и, в частности, скандинавами. Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь

⁶³ Минасян Р. С. Четыре типа ножей Восточной Европы раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 20. С. 66—72.

⁶⁴ Hermann J. Wikinger und Slawen. S. 19.

⁶⁵ Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. С. 167, рис. 7.

у русских Северо-Запада.⁶⁶ Подобные факты показывают, что гипотеза о заимствовании идеи сопочного обряда из Скандинавии имеет под собой достаточно реальную основу.

При поиске истоков сопочного обряда внимание исследователей неизбежно обращается к Старой Ладоге, окрестности которой — район наибольшей концентрации сопок и где также находятся древнейшие из исследованных насыпей, по своим признакам наилучшим образом соответствующие понятию «сопка».

По материалам работ экспедиции, возглавляемой А. Н. Кирпичниковым, Ладога, возникшая в середине VIII в., рисуется как крупное торгово-ремесленное поселение с широкими международными связями, где активную роль играли и выходы из Скандинавии.⁶⁷ В данном центре концентрировались новые социальные силы и зародилось ядро этносоциума, носящего имя «русь».⁶⁸ В этих условиях в среде разноэтничного населения и возникает обычай возведения сопок.

Рассматривая механизм этого процесса, обратим внимание на два принципиально важных, на наш взгляд, моменты, которые нельзя не учитывать при решении проблемы возникновения сопок.

1. Сопки — это новация, связанная с верхушкой общества, находящегося на высшей, предгосударственной стадии первобытности. При попытках связать их с высокими курганами лесной полосы предшествующей эпохи, будь то литовские, верхнеокские или даже наиболее близкие территориально оставленные финно-угорским населением большие курганы V—VII вв. на востоке Новгородской земли,⁶⁹ следует иметь в виду, что вышеназванные древности оставлены группами населения, безусловно находящегося на более низкой стадии экономического и социального развития, чем носители культуры сопок. Поэтому параллели сопкам следует искать в обществах синстадиальных. Вендельская культура в Швеции вполне удовлетворяет этим условиям.⁷⁰

2. Главные «действующие лица» событий, приведших к возникновению государственности Северной Руси — славяне и

⁶⁶ Витов М. В. Антропологические данные как источник истории колонизации Русского Севера // История СССР. М., 1964. Т. 6. С. 97.

⁶⁷ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога : (Опыт археологических исследований) // Средневековая Ладога. С. 3—26.

⁶⁸ Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах... С. 21.

⁶⁹ Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы на востоке Новгородской земли // История и археология Новгородской земли : Тез. науч.-практической конф. Новгород, 1987. С. 13—14.

⁷⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 37—38.

скандинавы, чья роль в этом отношении несоизмерима с ролью инно-угров или балтов.⁷¹ Поэтому генезис сопок следует рассматривать прежде всего под углом славяно-скандинавского взаимодействия, для Ладоги, безусловно, наиболее актуального. Все это — весомые аргументы в пользу «северной» гипотезы происхождения сопок.

Конечно, ни о каком прямом и полном переносе скандинавского погребального обряда на русскую почву говорить не приходится: сопки — явление достаточно оригинальное и возникли они именно в Ладоге в среде смешанного населения. Но вместе с тем вся совокупность данных указывает на то, что в основе сопок лежит принесенная из Скандинавии идея социально престижных сакральных курганов. Скандинавская письменная традиция отчетливо указывает на связь курганного обряда с культом плодородия и воплощения священной власти конунга.⁷² Впрочем, еще В. И. Равдоникас писал, что многие особенности сопок «превосходно» объясняются из «Эдды».⁷³

Что же касается определенного хронологического разрыва между сопками и «королевскими курганами» вендельской эпохи в Швеции, наиболее близкими к сопкам, то делаются попытки его заполнить путем рассмотрения этих памятников по всему комплексу признаков.⁷⁴ Но даже и наличие возможной лакуны не представляется принципиально важным, если учесть, что верхушка формирующихся раннеклассовых обществ для утверждения своего престижа могла ориентироваться на репрезентативные социально значимые образцы сооружений, заимствованные из цивилизаций прошлого.⁷⁵

Появление сопок под влиянием именно скандинавского импульса доказывается и наличием в них черт обряда, которые бесспорно уходят своими корнями в эту территорию. К их числу относятся вымостки треугольной формы, известные еще в ранних ладожских сопках.⁷⁶ Сюда же, видимо, следует отнести и столбы в сопках. Ближайшие аналогии им имеются в памят-

⁷¹ Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья // СА. 1974. Вып. 1. С. 254.

⁷² Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1980. С. 16, 45, 73 и др.

⁷³ Rawdonikas W. I. Die Normanen... S. 36.

⁷⁴ Мачинский Д. А. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси. С. 48.

⁷⁵ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 166.

⁷⁶ Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности... С. 19; Седов В. В. Новгородские сопки. С. 30.

никах Дании и Швеции.⁷⁷ Примечательно, что на территории Древней Руси подобная деталь фиксировалась также в богатых курганах, несущих признаки скандинавского обряда, о чем говорилось выше.

Заметим, что в Ладоге имеется также памятник, весьма достоверно иллюстрирующий исходный славянский погребальный обряд и, возможно, способ захоронения, свойственный основной массе населения культуры сопок. Речь идет о грунтовом могильнике с погребениями по обряду трупосожжения у Никольского монастыря, где С. Н. Орловым было вскрыто девять годы этот памятник порой сближают с древностями типа культуры псковско-новгородских длинных курганов VI—IX вв.⁷⁹ или тушемлинской культуры V—VIII вв.,⁸⁰ хотя достаточные формальные основания для этого отсутствуют.

Ладожские сопки, ставшие местами захоронений новых социальных групп древнерусского общества, дали начало традиции возведения на Руси дружинных курганов типа гнездовских, черниговских или седневских, на что указывал еще А. А. Спицын.⁸¹ Они же как престижные памятники и сакральные объекты были восприняты сельской общинной верхушкой славянского общества. Не исключено, что свою роль при этом сыграли импульсы ладожского населения, причиной которых были кризисные ситуации в Ладоге. Так, Д. А. и А. Д. Мачинские пишут о разгроме «социальной верхушки первого севернорусского протогосударства» в связи с волной экспансии викингов в 840-е гг.⁸²

В ходе славянского расселения сопочный обряд распространился по всей Приильменью. Так, например, сплошное обследование долины р. Ловати при анализе интенсивности освоения пригодных для жизни пойм показывает, что движение населения культуры сопок было направлено с севера на юг.⁸³

Связанный с определенной социальной средой обычай воз-

⁷⁷ Dyggve E. La foule par le musee National Danois du Tertre royal sud Jaelling en 1941 // Acta archaeologica. Kbenhavn, 1942. Vol. 13. Fasc. 1—3.

⁷⁸ Орлов С. Н. О раннесредневековом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге // СА. 1960. Вып. 2. С. 251—253.

⁷⁹ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 47.

⁸⁰ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь... С. 46.

⁸¹ Спицын А. А. Сопки и жалыники... С. 144.

⁸² Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь... С. 47.

⁸³ Концевий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории новгородской земли // Новгород и новгородская земля. Новгород, 1988. С. 28.

дения сопки прекратил свое существование с распадом или рестройкой породивших его социальных структур. Они принадлежали к эпохе перехода от первобытного к раннефео-льному обществу, и какого рода силы и связи преобладали в них, сказать трудно. Во всяком случае, это общество характеризуется социальным неравенством и жесткой структурой, зволявшей организовывать возведение столь трудоемких сооружений. Вместе с тем возможность использования больших удовых ресурсов в непроизводственной сфере свидетельствует о высоком уровне развития производительных сил. Исчезновение данного обычая высвободило огромный скрытый экономический потенциал, что, несомненно, повлияло на темпы развития Приильменья в древнерусскую эпоху.

Социальная специфика общества эпохи сопки, безусловно, гразилась и на структуре Новгорода в период его возникновения.⁸⁴ Можно предполагать, что первопоселенцы — обладали громадных усадеб восходят к тому социальному слою, ля которого насыпались сопки. Это стягивание в конце эпохи эпок «земской верхушки» в формирующийся центр будущей [овгородской земли из ближайших экономически развитых айонов, и в первую очередь из Поозерья, возможно является ще одной из причин малого количества сопки в Новгородской круге.

Подводя итоги, отметим, что предлагаемая здесь интерпретация сопки позволяет снять противоречия обеих существующих традиций объяснения этих памятников, основанных или на признании их коллективными родовыми усыпальницами, войственными ильменским славянам или на утверждении о нужности сопки славянам и связи их с социальной верхушкой, скандинавской по происхождению. Выше мы попытались показать, что сопки являются сакрально-погребальными памятниками, в которых похоронены прежде всего представители верхушки славянского земледельческого населения, достигшего определенного уровня социального развития. Социальное и этническое в сопках находится в состоянии сложной зависимости. Так, верхушечный, привносной, стадный характер сопочного обряда является причиной того, что он практически не повлиял на ход эволюции рядовых погребальных памятников Приильменья. Вместе с тем сопки теснейшим образом связаны со славянским населением и являются доста-

⁸⁴ Янин В. Л. Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода // Очерки комплексного источниковедения : Средневековый Новгород. М., 1977. С. 223—225.

точно определенным этническим индикатором. В настоящее время в Приильменье не известны места поселений славян, кроме маркированных сопками (единственным исключением, как это было показано выше, является Поозерье). Поэтому появление сопкообразных насыпей по периферии Приильменья в местах контакта с иными этносами означает не столько достижение этим населением соответствующего уровня социального развития, сколько сигнализирует о проникновении сюда славян.

Неоднозначно решается вопрос и о социальной общности, соответствующей культуре сопок. Если в отношении ее «волховского ядра» можно согласиться с утверждением, что оно «соответствует не столько чисто этнической общности, сколько качественно новому для этих мест этнополитическому единству — летописной северной «руси», севернорусскому протогосударству»,⁸⁵ то о культуре сопок в целом этого сказать нельзя. Хотя ареал сопок в значительной степени совпадает с основной государственной территорией Новгородской земли, однако процесс расширения территории этой культуры безусловно не тождествен распространению государственности в данном регионе. Первый, создавая значительную зону славянского расселения на Северо-Западе, являлся предпосылкой для второго.

И в заключение хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. Рассматриваемая в данной статье гипотеза формирования культуры сопок имеет выходы на более широкие вопросы этнической истории Северо-Запада. Если мы признаем, что обычай сооружения сопок распространяется как культурная новация из района Ладоги, то это не означает, что данный процесс охватил все славянское население Северо-Запада. Иначе говоря, на данной территории возможно существование групп славян, не маркированных сопками, а использовавших лишь изначальный трудноуловимый погребальный обряд. В этом отношении можно привести ряд любопытных фактов. Так, реконструируя возможный путь продвижения славян на Северо-Запад, некоторые исследователи, опираясь на данные топонимики, считают, что из западнославянских земель миграционный поток шел через верховья Немана и далее по Западной Двине.⁸⁶ В связи с этим обращает на себя внимание археологическая ситуация, которая сложилась в районе Полоц-

⁸⁵ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь... С. 45.

⁸⁶ Седов В. В. Первая волна славянского освоения Северо-Запада // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987, С. 47.

ка. В последней четверти I тысячелетия н. э. бассейны верховий Днепра и Западной Двины — район распространения памятников культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Это население убедительно идентифицируется с кривичами. Однако в отличие от Смоленска округа Полоцка свободна от памятников этой культуры. «Зона пустоты» протянулась преимущественно вдоль Правобережья Двины и охватывает территорию в 5.400 км². Данное обстоятельство уже сопоставлялось с известным летописным разграничением кривичей и полочан.⁸⁷ К этому следует добавить, что буквальное прочтение отрывка «Повести временных лет» о племенных княжениях («а словене свое в Новгороде, а другое на Полоти иже полочане») свидетельствует о наличии у словен двух княжений — в Новгороде и Полоцке, или, говоря иначе, единое племя словен разделяется на две группы — новгородцев и полочан.⁸⁸ Возникает вопрос: не является ли Полоцкое Подвинье той территорией, где первоначально осели славяне на Северо-Западе и откуда их часть двинулась дальше в Приильменье? В этом случае «археологическая пустота» под Полоцком выступает как своеобразный аргумент, если учесть тождественную ситуацию в досопочное время в Приильменье.

Итак, весьма вероятно, что на Северо-Западе сложилось два центра славянского расселения и исходных плацдарма для дальнейшей колонизации — Полоцкое Подвинье и Приильменье. Эти группы славян, однородные в этническом отношении, как следует из летописи, и соответственно обладавшие единым диалектом, не тождественны в плане культурно-археологическом, что обусловлено различным окружением в местах их обитания. Предполагаемое несовпадение данных археологии и языка необходимо учитывать при создании целостной картины древнерусского этногенеза на Северо-Западе, и особенно при реконструкции славянского расселения в районах, где встретились потоки колонизации, исходящие из обоих центров, как в первую очередь на Псковщине.

⁸⁷ Булкин В. А.: 1) О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья // Археологическое исследование Новгородской земли / Под ред. Г. С. Лебедева, Л., 1984. С. 56, 62; 2) Об особенностях географии смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 85.

⁸⁸ Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах... С. 12; Лебедев Г. С. Этнография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая география: Традиции и современность / Под ред. Р. Ф. Итса. Л., 1983. С. 104, 106—107.